

Особенности поэтического мастерства Фета

Нельзя не указать, что А. Фет был истинным художником слова. Virtuозность его поэтических форм поразительна, и в этом отношении его можно сравнить лишь с Пушкиным.

Вот, например, его известное стихотворение:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

Какая чарующая прелесть этих немногих строк! А между тем взгляните в это стихотворение, и вы будете поражены: здесь как будто едва ли не беспорядочное нагромождение существительных, нет даже ни одного сказуемого, и из этой-то нестройной массы материала вдруг воздвигается такое очаровательно-легкое прекрасное «здание»!

Стихотворные размеры Фета чрезвычайно разнообразны, он даже создает свою новую форму монолога, которая при всей своей свободе отличается какою-то особою музыкальностью.

Кроме своих оригинальных произведений, А.А. Фет обогатил русскую литературу целым рядом чудных переводов из Байрона, Беранже, Гейне, Гете, Шенье, Шиллера и др. Особенно замечателен его перевод древних поэтов: Горация, Ювенала, Катулла, Тибулла, Проперция, Овидиевых Метаморфоз и Вергилиевой Энеиды.

По М. Быстрову

Поэтические картинки Фета можно сравнить с пушкинскими описаниями природы, которые входят, например, в роман «Евгений Онегин». Но у Пушкина эти описания составляют часть общей картины, а взятые отдельно они производили бы впечатления отрывков. То же и в сочинениях Фета; иногда чувствуется, что как будто стихотворение не окончено, точно чего-то недостает. Для примера можно сопоставить известный отрывок из «Онегина» – «Зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь» – со следующим стихотворением Фета:

Кот поет, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре.
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.

««Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться
Да и спать себе ступай»».

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и все поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

Фет большой мастер самим подбором слов и ритмов внести что-нибудь своеобразное в каждую картину. Вот его стихотворение «Вечер»:

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, луками
Убегает на запад река;
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном...
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

Здесь особый оттенок придают описанию эти глагольные обороты: «прозвучало, прозвенело».

В других случаях Фет совсем выбрасывает глаголы и оставляет только обозначения предметов.

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,
Свет небес высоких
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

То же самое и в другом стихотворении:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

Фету далеко не всегда удаются эти словесные картины. Нередко он проявляет недостаток чутья к оттенкам русской речи, и здесь сказывается его происхождение. Так, желая выразиться иногда чисто по-русски, он вместо этого берет славянское слово и даже в неправильном употреблении, например, вместо «десница» (правая рука), он способен сказать «десна», вместо «скажи» – «глаголь» и т.п. Встречаются и просто неверные или совсем не поэтические выражения – «в гвоздик душистой сирени, распевая, вползает пчела», «вышла жаба на дорогу» и пр.

Фет сам очень хорошо отметил преобладание у него чисто музыкальной стороны над идейной.

У его музы

Отрывистая речь... полна почали
И женской прихоти и серебристых грез,
Невысказанных мук и непонятных слез.

По его мнению, «избранный певец» должен уметь «шепнуть о том, пред чем язык немеет», «дать сладость тайным мукам», «упиться неведомым, родным», он жалеет, что душа не может высказаться без слов.

Характерно в этом отношении следующее стихотворение:

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, — но только песня зреет.

Однако мнение поэта, что искусство может совсем отрешиться от интересов человеческого общежития и служить «убежищем от всяких скорбей, в том числе и гражданских», оказалось ошибочным. Деятельность Фета за последний период жизни доказала, что он не мог заключить своего поэтического дарования во внешне красивые формы и при этом уйти от того или иного жизненного содержания.

В предисловии к своим «Воспоминаниям», изданным в 1890 году, Фет говорит, что его жизнь не была так безмятежна, как иным казалось. Грустные, почти трагические ноты звучат в последних его сочинениях, вышедших в 80-х годах под названием «Вечерние огни». Здесь и «тайная тоска в душе осиротелой», и порывы к небу от земли, «где все темно и скудно» и так «ничтожно все».

По В.Максимову, С. Золотареву

Фет — поэт звуков. Кажется, будто он слушает только звуки, а не смысл слов и соединяет их в мелодии, по особым «звуковым законам». Никто не верил так, как Фет, что в слове таятся два значения, две силы: одна — его непосредственный смысл, другая — его звуковой смысл, его музыка. И никто так не верил, что вторая значительнее первой:

Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца...

Он говорит:

Поделись живыми снами,
Говори душе моей;
Что не выскажешь словами —
Звуком на душу навей!

Он не любит слова. Подобно Тютчеву, он знает, что все выраженное в слове уже утрачивает свою значительность, что «мысль, изреченная есть ложь», и он жаждет других выражений своей души:

О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

Эта любовь к звуку, к музыке слова объясняет, почему так любили его песни композиторы, переложившие на музыку множество его пьес. Чайковскому он напоминал Бетховена, но никогда Пушкина. «Это, – писал Чайковский, – не просто поэт, а скорее поэт-музыкант, как бы избегающий таких тем, которые легко поддаются выражению словом». Фет живет в мире звуков. Скрытый смысл явлений достигает его души, превращенный в звуки: «Я звука душою ищу, что в душе обитает», «И носятся светлые звуки и льнут к моему изголовью». Он никогда не стремится уловить содержания, таящегося в этих звуках, он довольствуется мелодиями, ему не нужно портретов и слов. Неопределенные местоимения и наречия — «кто-то», «что-то», «где-то», «куда-то» — наиболее частые определения, которыми он пользуется.

Он — поэт сновидений, бесцельных и легких, ласковых и умиротворяющих. Он сам рассказал об этой бесцельности, об этой поэзии, имеющей одну цель – баюкать и навевать золотые сны.

Нет, не жди ты песни страстной,
Эти звуки – бред неясный,
Томный звон струны;
Но, полны тоскливой муки,
Навевают эти звуки
Ласковые сны.

Звонким роем налетели,
Налетели и запели
В светлой вышине.
Как ребенок им внимаю,
Что сказалось в них – не знаю,
И не нужно мне.

Поздним летом в окна спальни
Тихо шепчет лист печальный,
Шепчет не слова;
Но под легкий шум березы
К изголовью, в царство грезы
Никнет голова.

По П. Когану

Лиризм — естественная и исключительная сфера творчества Фета, ибо, по его собственному признанию, лиризм есть «цвет и вершина жизни». И как бы порой ни казался тесен поэтический кругозор Фета, — по силе лирического воодушевления немного найдется поэтов, ему равных. Корень тому — в его глубокой и в то же время детски наивной впечатлительности, в неподдельной искренности и скрытой горячности его чувства. «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик». Как ни поразителен сам по себе этот парадокс, он не совсем странен под пером Фета. Слепая, безумная отвага и дерзость, по его понятию, присущи лирику, но в художественном создании они обуздываются тончайшим чувством меры. Сочетание этих противоположностей характеризует яркую изобразительность в поэзии самого Фета и в то же время объясняет причудливость его фантазии.

Фет любил называть свои стихотворения песнями; поэзию он считал не только родственной с музыкой, но и нераздельной с ней: в момент творчества душа поэта приходит

в музыкальное настроение; он поет, и самый строй его рифм не зависит от его произвола, а является в силу необходимости. «Рассказать, – говорит он в одной из своих песен о весне, –

что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, — но только песня зреет».

Трудно лучше выразить непосредственность фетовского лиризма, в котором мелодия почти опережает вольное, крылатое слово.

О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

– жалуется он в другом стихотворении, подавленный прозой будничной жизни. Но сила поэтического дарования в том и состоит, чтобы душа высказывалась в слове. Фет в высокой степени обладал этим даром выражения чувства.

Как настоящий лирик, Фет по преимуществу созерцатель и мечтатель. Мысль и чувство, образ и музыка стиха живут у него нераздельно. «Нет в мире предмета, – говорит он, – без соответственной ему идеи в душе человека, нет перспективы без озаряющего ее света, нет поэтического созерцания без поэтической мысли». Эту таинственную связь видимого мира с внутренней жизнью души Фет угадывает поразительно чутко. Отсюда — его глубокое сочувствие природе, почти подчинение ее властной силе, напоминающее суеверное чувство древнего человека. Фет любит природу, как дитя свою мать; но ее растительную жизнь он умеет наблюдать с зоркостью проницательного художника, и наблюдает он природу не столько в ее грозных знамениях, сколько в обыденных явлениях — в мирной тишине зимы, в шумном весеннем расцвете, в замираниях вечернего света, в переливах ночного мрака. Если исключить Тютчева, ни у кого из наших поэтов нет такого обилия картин природы и никто, быть может, не потратил столько роскоши и пестроты красок на ее изображение. Фет был уроженцем южной Великодержавии, и именно природу этой великорусской Украины, черноземной земледельческой полосы, видим мы в его стихах. Правда, иные из его картин слишком причудливы или туманны, но никогда они не являются только описаниями. Набрасывая черты реального мира, Фет в то же время улавливает те мимолетные впечатления, которые оставляют эти явления в душе человека. Живописец не в состоянии будет передать поэтические образы Фета на полотне, но в душе читателя они вызовут то же настроение, из которого они возникли в фантазии самого поэта. В одной из повестей Тургенева очень тонко передано впечатление, производимое поэтическими картинами Фета.

«Помните ли вы, – пишет герой повести к знакомой ему молодой девушке, – помните ли вы, как однажды мы, стоя на дороге, увидели облачко розовой пыли, поднятой легким ветром против заходящего солнца? “Облаком волнистым”, – начали вы, и мы все тотчас притихли и стали слушать:

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший –
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

Вы замолкли... Мы так и вздрогнули все, как будто дуновение любви промчалось по нашим сердцам, и каждого из нас — я в том уверен — неотразимо потянуло в даль, в ту неизвестную даль, где призрак блаженства встает и манит среди тумана».

Конечно, Тургенев применил фетовский мотив к своей теме; пусть даже воображение романиста несколько дополнило легкий набросок поэта, но сущность впечатления схвачена все-таки верно.

Песни Фета, с их теплотой чувства, с их томной мечтательностью, облеченной в пестрые, не всегда отчетливые образы, действительно способны возбуждать это мирное, светлое, несколько грустное чувство; можно забыть и стихи пьесы, и подробности ее содержания, впрочем, обыкновенно несложного, но вынесенное впечатление надолго остается в душе, как в слухе — впечатление внезапно раздавшегося и постепенно замершего звука. В искусстве производить этот особый род поэтического впечатления Фет имел только одного предшественника, тоже поэта-мечтателя, автора «Эоловой арфы».

Как во взгляде на природу есть у Фета оттенок античного воззрения, так и в изображении человеческих чувств. Поэзия Фета избегает изображать страсти в момент сильной нравственной борьбы. Она знает сердечное влечение лишь в его робком, первичном виде или, напротив того, в пору пережитого страдания, как светлое воспоминание о невозвратно минувшем счастье. В этом выборе для изображения моментов любви поэт резко отличается от Пушкина и Лермонтова, поэтов страсти кипучей, трагической, и сближается с Жуковским, при той, однако, разнице, что у Жуковского больше сосредоточенности в самом чувстве, тогда как у Фета ярче краски и образы.

Вообще говоря, русская поэзия мало повлияла на Фета; гораздо больше он обязан своим развитием Гете, как лирику, и римским поэтам, которых он любил переводить. От них Фет унаследовал воззрения на искусство и отчасти приемы творчества. Быть может, следует пожалеть, что он не научился у них большей строгости в своем художественном труде и потому нередко оставался только импровизатором. Но не от своих учителей взял он силу лиризма: это — его неотъемлемая собственность.

Поэзию Фета обыкновенно называют поэзией, проникнутой чувством светлой радости. Такое определение едва ли справедливо; по крайней мере, следует признать его односторонним. Правда, в поэзии Фета не слышно звуков негодования и озлобления, зато ей далеко не чужды звуки глубокой скорби, душевного страдания от житейских невзгод. Как для всякого чуткого сердцем человека нет радости без печали, так и в поэзии Фета светлое чувство соединяется с горьким в свободном гармоническом сочетании; эта-то примирительная гармония, вызывающая, по выражению поэта, « пленительные сны наяву », и дает поэзии Фета нравственный, гуманный смысл:

На землю сносят эти звуки
Не бурю страшную, не вызовы к борьбе,
А исцеление от муки.

По В. Майкову

Поэтическое содержание стихотворений Фета совершенно несоизмеримо с буквальным смыслом слов, из которых они состоят. Поэтому его произведения — истинная поэзия, и поэтому же их часто не понимают и не ценят. Так, передовая критика конца XIX века, пользовавшаяся в публике наибольшим сочувствием, относилась к поэту не иначе, как с насмешкой и глумлением.

Критике этой было мало дела до искусства, до поэзии; она искала и ценила только определенные мысли и потому не делала никакого различия между прозой и поэтически произведенными. Не чувствуя и не ценя в творчестве Фета того, что в нем было действительно поэтического, критика эта осуждала его за то, что не находила в его произведениях качеств умной прозы. Критика эта была чужда сознания, что жизнь души наполняется не одними понятиями, что не одни только мысли имеют право на выражение в литературе и что слова в их логическом сочетании, то есть прозаические произведения, бессильны передавать внутреннюю жизнь человека. Редко кому тогда было понятно то,

что заставило одного из современников Фета, даровитого лирического поэта, с горечью воскликнуть:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Вот чем нужно проникнуться, чтобы понять и оценить поэзию Фета. Сам он глубоко чувствовал «роковую ложь» слов, пред которой у него «клонит голову маститую мудрец», и, однако, был поэтом, художником слова. Но он дает в своих произведениях больше, чем могут дать слова. Он пишет слова, но в них мы чувствуем биение сердца и трепет нервов. Он не композитор, не живописец, не ваятель, он не может выражать душевные настроения в звуках, красках или формах, он — поэт, в его распоряжении только слова. Но с помощью средств поэзии, с помощью стиха, которым он владеет с замечательной легкостью, свободой и изяществом, с помощью сочетания слов, своеобразного или даже странного, с помощью эпитетов, неожиданных и с первого раза поразительных, ему удается пробиться сквозь условность слов, вырваться за тесный предел их логического значения и хоть на мгновение нарушить закон вечного молчания души.

Среди произведений Фета можно найти немало таких, в которых с необыкновенной искренностью, непосредственностью и правдой передаются различные моменты душевной жизни. Так, для того, чтобы почувствовать размер дарования Фета, стоит вспомнить его «Фантазию»:

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

Что ж молчим мы? Или самовластно
Царство тихой, светлой ночи мая?
Иль поет и ярко так и страстно
Соловей, над розой изнывая?

Иль проснулись птички за кустами,
Там, где ветер колыхал их гнезды,
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе к нам нисходят звезды?

На суку извилистом и чудном,
Пестрых сказок пышная жилица,
Вся в огне, в сияньи изумрудном,
Над водой качается жар-птица;

Расписные раковины блещут
В переливах чудной позолоты,
До луны жемчужной пеной мешут
И алмазной пылью водометы.

Листья полны светлых насекомых,
Всё растет и рвется вон из меры,
Много снов проносится знакомых,
И на сердце много сладкой веры.

Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным;
Миг еще – и нет волшебной сказки,
И душа опять полна возможным.

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

Нельзя не плениться прелестью этого стихотворения. В нем слово творит чудеса, вызывает образы удивительной ясности, покорно следует за причудливою игрой фантазии, передает во всей ее необычности ту грезу души, тот неустойчивый, улетающий, как сон, миг ее жизни, когда вся роскошь волшебной сказки становится для нее действительностью. Здесь форма нераздельно слита с содержанием. Это фантастическое видение не только невозможно передать прозой, но нельзя сделать ни малейшего изменения в построении стихотворения, чтобы не нарушить его обаяния.

Эта неотделимость формы от содержания есть, конечно, общее свойство истинной поэзии, в особенности же поэзии лирической. Но стихи Фета в этом отношении еще более нежны и неприкосновенны, чем произведения других поэтов. Легкие, едва уловимые движения души, составляющие почти исключительные мотивы поэзии Фета, требуют для своего выражения особенных условий. Слова сами по себе недостаточны для этого, и только одно какое-либо их сочетание, музыкальность размера и своеобразие рифмы держат в себе поэтическую мысль произведения. Вспомним, например, «Старые письма», «Знаю я, что ты малютка...», «Не отходи от меня...», «Жду я, тревогой объят...», «Прежние звуки, с былым обаяньем...», «В дымке-невидимке...» и др. Каждое из этих произведений целиком, с его рифмами, с его размером вылилось из души автора, из определенного настроения, и невозможно представить других слов, другой формы, в которых с такой же искренностью и полнотой можно было бы передать те же мысли и настроения.

Отсюда ясно, что для того чтобы проникнуться мыслью поэтического произведения, нужно воспринимать его во всей его целостности. Как все живое и органическое, его нельзя анатомировать и расчленять, не убив в нем жизни. И если произведения Фета не выдерживали того логического анализа, с которым приступала к нему прежняя критика, то это есть лучшее доказательство, что его творчество — не холодное придумывание, не риторика, а действительная поэзия, настоящая лирика, истинный язык души.

Высказать душу — всегдашняя задача поэзии. Фет не только истинный и, следовательно, оригинальный поэт, но поэт совсем особенный. Большинство других поэтов, по крайней мере тех, на произведениях которых мы выросли и воспитались, чьи имена мы вспоминаем всегда, когда говорим о поэзии, в своих лирических стихотворениях изображают обыкновенно настроение или чувство так, как они представляются сознанию, в том их значении, какое они имеют для жизни, в каком они могут стать основанием драмы или источником размышления. Эти чувства более или менее цельны, определены, их можно назвать, об их значении можно говорить; в каждом из них можно найти определенное жизненное положение и соответствующее ему чувство или настроение, связь которых с этим положением ясна и понятна сознанию. Такова лирика у Шиллера, Гете, Байрона, Гюго, Державина, Пушкина, Лермонтова, Полонского и Майкова.

Совсем иное — поэзия Фета. В его стихотворениях, в особенности наиболее своеобразных, отмеченных личностью автора, нам являются не цельные, законченные чувства или настроения, а минуты, мгновения душевной жизни, для которых нет слова в языке, нет образа в сознании, которые пришли неизвестно откуда и исчезнут навсегда, быть может, не оставив после себя никакого следа в жизни, даже воспоминания. Это «неясный бред» всегда живой, всегда деятельной, но не всегда сознающей себя души. Прихотливые формы этой жизни, эти мгновенные сочетания ощущений и чувств непрерывно возникают в душе и рассеиваются, исчезают под наплывом новых впечатлений подобно тому, как в море каждую минуту прежняя волна сменяется новой. Никому не доступны эти глубокие, скрытые области душевной жизни. Человек один переживает совершающееся в них, и минуты этой жизни так прихотливы и случайны, так своеобразны и независимы, что не могут служить никаким целям, никаким отношениям, не оказывают почти никакого влияния там, где человек действует сознательно, где он живет с другими людьми, где идет его жизненная дорога. Ничего внешнего, никакой деятельности, никакой борьбы, никакой драмы, не производят эти проходящие минуты одинокого существования

человеческой души, но в них погружена едва ли не большая часть ее жизни. Фет сумел ввести в поэзию эту область душевной жизни, сумел дать ей непосредственное выражение. У него сердце или нервы говорят сами от себя, говорят своим языком, его стихотворения — остановившиеся моменты действительной жизни души, а не те обобщения чувств и ощущений, которые встречаются в произведениях, выходящих из сознания. Вот одно из стихотворений Фета в этом роде:

Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне,
Травы степные унизаны влагой вечерней,
Речи отрывистой, сердце опять суеверней,
Длинные тени вдали потонули в ложбине.

В этой ночи, как в желаниях, все беспредельно!
Крылья растут у каких-то воздушных стремлений,
Взял бы тебя и помчался бы также бесцельно,
Свет унося, покидая неверные тени.

Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой кручине?
Как не забыть, хоть на время, язвительных терний?
Травы степные сверкают росой вечерней,
Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне.

В чем содержание этой мелодии? Можно ли на языке сознания каким-либо словом назвать предмет стихотворения, то чувство или настроение, которое в нем выражено? Что это — радость, бодрость, мечтательность? Нет, всякое слово слишком общее, слишком бедно для того, чтобы выразить те странные минуты душевного настроения, которые свободно родились под впечатлением лунной ночи, которым нет дела до того, что в языке не существует слов для их названия и которые поэт сумел уловить и закрепить в своих стихах.

Еще лучше своеобразие лирики Фета выяснится из сопоставления какого-либо из его стихотворений, в котором нетрудно определить источник вдохновения, с произведением другого поэта на тот же мотив. Едва ли не чаще всего лирические поэты вдохновлялись любовью, и стихи, посвященные этому предмету, можно найти у всякого из них. У графа А. Толстого, современника Фета, есть следующее маленькое стихотворение:

Не верь мне, друг, когда в избытке горя
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!

Припомним также другие стихотворения этого автора: «Мне в душу, полную ничтожной суеты...», или известное, как романс, «Средь шумного бала, случайно...». Как ни своеобразны мотивы этих произведений, но все они — обобщение сознания, извлеченное из жизни души, все они поэтическое развитие определенной мысли или определенного душевного состояния. В первом из этих стихотворений — образ морского прилива для выражения приливов и отливов любви, во втором — образ бури, опустошившей сад, для изображения души, над которой пронеслась страсть, в третьем — эстетическое увлечение женщиной, еще лишь предчувствуемая любовь.

Рядом с этим прочтем у Фета:

Тихая, звездная ночь,
Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.

Друг мой! в сиянье ночном
Как мне печаль превозмочь?..
Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.

Друг мой, я звезды люблю –
И от печали не прочь...
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.

Несомненно, это стихотворение также навеяно любовью, но оно — не поэтической образ для выражения любви как цельного чувства. В действительности существуют именно такие минуты, случайные, сложные. Иные поэты стремятся передать цельное, законченное чувство, очищенное в сознании от всего мгновенного и случайного. Фет дает именно это мгновенное со всем его содержанием, дает все то, что было в душе в изображаемую минуту, хотя оно и страннее и сложнее известных нам чувств и не имеет себе названия.

Чем можно объяснить эту связь звездной ночи, печали и «сладких уст красоты»? Откуда и зачем здесь эта печаль, что она дополняет в изображаемом настроении? Ответ один: все это связано жизнью личной души. Так было, и Фет сделал это мгновение достоянием поэзии, и мы чувствуем, что так могло быть.

Следующее стихотворение также весьма характерно для Фета:

Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат — слышит только соловей...
Да и тот не слышит, — песнь его громка;
Разве слышат только сердце и рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастья сюда мы принесли;
Да рука, услыша, сердцу говорит,
Что чужая в ней пылает и дрожит,
Что и ей от этой дрожи горячо,
Что к плечу невольно клонится плечо...

Это стихотворение также может быть отнесено к разряду тех, которые посвящены любви. Но и здесь автор не старается, подобно другим поэтам, высказать, как он любит, что для него эта любовь в жизни, а дает только минуту из пережитого — впечатления ночи, трепет рукопожатия, жар крови, ощущение принесенного счастья — все, что было в эту минуту в сердце.

Фет выражает эти настроения мгновенного во всей их полноте и своеобразности. В его поэзии не обглоданный сознанием остов чувства, а само это чувство, трепещущее, полное жизни. Фет схватывает и открывает в своих стихах те ощущения, которые действительно переживает сердце, все то, что дает не постигнутая нами судьба, прихотливый случай. Его поэзия — записная книжка сердца, которое вписывает туда странными знаками свою историю. История же каждого сердца своеобразна и особенна, ее нельзя предсказать или построить из каких-либо данных. Оттого поэзия Фета так нова и свежа, так неожиданна и самобытна. Оттого она кажется иногда загадкой, иногда — каким-то внутренним откровением.

По Б. Дистерло

Мнение о качествах поэтического дарования Фета установилось довольно прочно. С его именем связывается представление о лирике и только лирике. Фет пробовал свои силы в драматическом роде и в эпическом, но ни то ни другое ему не удавалось, и он скоро оставил свои бесплодные попытки. Необходимой для драматурга способности

временно перевоплощаться в разнообразные изображаемые типы, входить в их положение и интересы, зажигаться их огнем или глубоко проникаться их муками Фет абсолютно не имел. С другой стороны, он не принадлежал и к числу поэтов, способных и склонных глубококомысленно, беспристрастно и всесторонне рисовать жизнь во всем ее объеме.

Фет всегда был субъективным созерцателем, занятым в большей степени анализом своих личных ощущений, чем участием к тому, что совершалось вокруг него. Но и как поэт субъективной лирики Фет всегда сам себя ограничивал и затрагивал далеко не все темы, которые способны возбудить лирическое воодушевление и вызвать лирические излияния. К величественному и грандиозному он был равнодушен; юмор, разрушительный смех не только не были в его натуре, но и претили ему. Только изящные красоты природы и тонкие, едва уловимые сердечные ощущения находили в нем своего трубадура. Уже эта ограниченность сферы фетовской поэзии может служить причиной того, что многие из читателей не относились к нему с надлежащим вниманием. В то время как одни, одаренные значительной эстетической чуткостью, сразу схватывали поэтическую нотку стихотворения, очаровывались его свежим и юным колоритом, терпеливо задумывались над ним, чтобы уловить сущность смутного и неопределенного ощущения, изображенного в нем, — в это время другие, менее чуткие к красоте вообще по натуре, если только минутное настроение не сделает их более впечатлительными, ограничившись беглым просмотром стихотворения, не открывали там ничего, кроме странного набора слов, не способного возбудить ни мысли, ни чувства. Так нередко и случалось, и критика в данном случае мало чем могла помочь сближению поэта и читателя. Если бы Фет был по преимуществу поэтом мысли, то его можно было бы толковать, разъяснять, но когда речь идет о поэтических ощущениях, да еще тонких и чуть уловимых, то тогда трудно надеяться возбудить внимание и быть понятным для людей, не испытывавших когда-нибудь чего-либо подобного.

С другой стороны, поэзия Фета не может дать и тем для моральных комментариев, так как она никогда не задавалась целями нравственного воздействия. Если признать за истинно прекрасным и изящным способность настраивать душу на гармонический лад, просвещать и облагораживать нашу природу на некоторое время, то в таком смысле, конечно, и стихотворения Фета, при всей своей видимой незначительности, служат общему делу эстетического воздействия. Но, во всяком случае, для моралиста точно так же, как и для мыслителя, роль такого лирического поэта, каков Фет, будет всегда казаться мелкой. Быть может, в этом нужно видеть причину, почему критикам и рецензентам Фета почти никогда не удавалось занять надолго внимание своих читателей разбором его стихотворений: две-три страницы — и тема оказывалась исчерпанной. Исключение в этом отношении составляет В. Боткин, статью которого смело можно признать лучшим и самым полным эстетическим комментарием к стихотворениям Фета. Имея все данные для того, чтобы близко изучить натуру поэта (известно, что сестра В. Боткина была замужем за А. Фетом) и из личных наблюдений понять ее отличительные свойства, страстный любитель, хороший знаток и тонкий ценитель искусства, Боткин лучше всех сумел понять и оценить степень качества дарований любимого им поэта, и, занявшись исключительно аналитическим анализом, превзошел всех пониманием тонкостей дела. В этом отношении статья Боткина может объяснить многое для того, кто захотел бы ориентироваться в своих неясных ощущениях от фетовской музыки.

Совершенно ясно сознавая, что «внутренний мир Фета не отличается ни многосторонностью, ни глубокомыслием содержания», называя его «наивным ребенком» в сравнении с великими поэтическими гениями, Боткин, в то же время, с какой-то почти отеческой нежностью любит красоту и грацией его созданий, указывая на массу прелестных подробностей, остающихся для другого глаза незаметными.

И действительно, если подобно Боткину, проникнуться мыслью, что истинное поэтическое дарование заслуживает внимания уже по своей редкости, если при этом

заставить себя помнить, что нельзя от поэта требовать больше, чем он может дать; если, наконец, не выпускать из вида, что Фет и не думал, подобно Пушкину и Лермонтову, открывать новых областей в поэзии, а был занят только разработкой мелких поэтических деталей, — тогда его поэзия способна будет доставить высокое и истинное наслаждение и не такому записному эстету, как был Боткин.

Излюбленных мотивов, которых Фет охотнее всего касался в своем творчестве и в разработке которых он достиг совершенства, два: природа и любовь. Талантливость Фета как художника природы стоит вне сомнения. Даже среди русских писателей, которые вообще известны как хорошие пейзажисты, Фет выделяется своей удивительной чуткостью в схватывании и обнаружении едва уловимых красот природы. Правда, оставаясь верным своей натуре, Фет и в этой области сузил свое творчество. Грандиозные и мощные, величественные и сильные в разрушении и благодатных последствиях картины природы не находили в его душе отклика. Фет всегда и во всем больше сочувствовал грациозному и светлому, хотя бы оно было мелким и незначительным, и сторонился от мрачного и разрушительного, хотя бы и величественного. Удаляясь от сильного и эффектного, Фет по преимуществу останавливается на обыденных, будничных явлениях, и тут проявляется его изумительное чувство красоты предметов и явлений. Там, где равнодушный взор другого наблюдателя скользит, не передавая никаких приятных ощущений, там Фет умеет открыть порой не подозреваемую красоту. В нашей северной природе, довольно бедной красками, он отыскал такую бездну разнообразных и чудных оттенков, что его зимние, весенние, летние и осенние картинки и описания принадлежат к лучшему, что только произвела наша поэзия в природе. Такое стихотворение, как «Печальная берега», и многие другие, недаром помещаются во всех хрестоматиях. Помимо этих прелестных зимних ландшафтов, сверкающих свежестью красок, Фету особенно удавалось изображать весенние ощущения, то сладостное и неудержимо охватывающее чувство жизни, которое, кажется, трепещет и разливается весной во всяком живом существе, во всякой распускающейся ветке («Уж верба вся пушистая...», «Я пришел к тебе с приветом...»). Но особенно симпатичны душе Фета были картины вечерние и ночные, так как они преимущественно богаты смутными и неопределенными ощущениями. Фет говорит о себе: «Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый образ пугливо-немой дольше трепещет во мгле...».

Редкому поэту удастся окутать свои произведения такой поэтически опьяняющей атмосферой ночи, как то делает Фет при помощи штрихов, по-видимому, бессвязных («Шепот, робкое дыханье...»), а с его вечерними мелодиями может сравниться лишь музыкальный ноктюрн, по мелодичности и изяществу ритма, прелести вкрадчивых и тихоспокойных звуков («Тихо вечер догорает...», «Теплым ветром потянуло...», «Летний вечер тих и ясен...»). Отличительный прием Фета как художника природы заключается в том, что он редко рисует ландшафт целиком и подробно; в большинстве случаев он схватывает лишь несколько черточек и вдруг передает вашей чутко настроенной душе и поэтическую картину, и свое настроение от нее.

В изображении душевных ощущений точно так же, как и в отношении к природе, Фет отделил себе известную излюбленную область. Преимущественно занятый анализом любовных ощущений, он и здесь не затрагивает всей любовной гаммы, начиная от тихой и теплой сердечной привязанности и кончая слепой безумной страстью. Любовь в его изображении является как нечто сладкое и нежное, но смутное, как бы только зарождающееся, и притом всегда с чувственным оттенком. Определенной картины сильной страсти, жарких чувств, опьяняющих любовных восторгов, воплей и мук ревности — ничего сильного и разрушительного вы у него не найдете. Как в изображениях природы у него преимущественно получают изящные миниатюры, так и в области любовных ощущений он схватывает главным образом мимолетные, сладко томящие и ласкающие душу настроения. Платоническая любовь не в его вкусе. Пристрастие к красоте формы,

к внешнему изяществу и грации и здесь на первом плане. Нравственные воззрения ни разу не врываются в эту сладострастную атмосферу, чтобы хоть на минуту смутить это инстинктивное стремление к наслаждениям, эту почти младенческую наивность воззрений. Такое настроение поэта лучше всего подходит к антологическому роду стихотворений, и действительно, в этой области у Фета есть немало стихотворений, могущих соперничать с античными по характеру и совершенству исполнения («Диана», «Вакханка», «Влажное ложе покинувши...», «Феб златокудрый направил...», «В златом сиянии лампы полусонной...», «С корзиной, полною цветов, на голове...» и др.). Склонность Фета к любовным мотивам с чувственным оттенком проявилась не в одних его оригинальных стихотворениях. Знакомя русскую публику с иностранными поэтами, он очень охотно выбирал и переводил эротические стихотворения, так что тот, кто познакомился бы с Гете, Гафизом и особенно с Гейне лишь по фетовским переводам, составил бы себе крайне одностороннее представление об этих поэтах. В этой же склонности к эротике можно видеть одну из главных причин, почему Фет взялся за переводы Овидия, Тибулла, Катуллы и Проперция.

Отличительная особенность поэтических произведений Фета заключается в вечно юном и свежем колорите. Настроение его почти исключительно наивно-светлое и младенчески радостное. Все проникнуто праздничным тоном, во всем сквозит светлое, ничем невозмутимое чувство красоты жизни. Уже эта односторонность настроения и поэтического колорита в поэзии Фета всегда служила и будет служить причиной, почему он не может рассчитывать на всеобщее признание и сочувствие. У великих поэтических гениев, богатых разнообразием идей и картин, всякий читатель найдет что-нибудь близкое его натуре и даже совпадающее с его минутным настроением. Совсем не то у Фета. Его поэтические создания слишком девственно-нежны и детски слабы, чтобы быть руководителями людских дум и сердец. Они сами нуждаются в том, чтобы к ним приступали с симпатическим настроением, и только известным натурам и в известные минуты они способны доставить эстетическое наслаждение. В. Боткин прекрасно понял и выразил это, заметив:

«Поэзия душевных ощущений и мимолетных явлений природы, как у Фета, по самому существу своему интимная, требует от читателя глубокого чувства природы, требует фантазии, легко отделяющейся от практической действительности, и может быть настоящим образом оценена только в минуты романтического расположения духа, когда ничто житейское не тревожит нас, когда глаза ваши с каким-то задушевым стремлением вглядываются в голубой блеск неба, в нежные зеленые переливы луча и леса, в прозрачные, задумчивые тоны вечера, и груди становятся тесно от бесчисленных, неопределенных стремлений, поднимающихся со дна души вашей: в такие минуты раскройте книжку Фета и вы поймете ее поэзию».

По В. Л-ому